

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ФЕМИНИСТСКОГО КОДА В ПОВЕСТИ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ
«УЛИТКА НА СКЛОНЕ»
И РОМАНЕ В. ПЕЛЕВИНА «ТАЙНЫЕ ВИДЫ НА ГОРУ ФУДЗИ»**

Заломкина Г.В.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, доцент

В статье проводится сопоставительное исследование того, как и зачем в двух литературных текстах идеология и риторика феминизма трансформируется в координатах фантастики. И у Стругацких, и у Пелевина женщины, объединённые в могущественную организацию, воспринимают мужчин как более слабых соперников. В обоих случаях маркированно телесные «амазонки» противоположены главному герою – носителю традиционного мужского сознания, который нацелен на выход к сверхзнанию. Прослеживается пародийно-сатирическая направленность работы с феминистским кодом, при этом фантастическая составляющая делает сатиру аллегорической, выводит ее на философский уровень. Стругацкие выстраивают предупреждение о возможном неблагоприятном будущем, Пелевин создает аллгорию извечного противостояния мужского и женского начал. Разбирается противопоставление приверженности мужчин «мертвой» технике и «живой» способности женщин управлять миром через биологические/магические практики.

Ключевые слова: Стругацкие, Пелевин, феминизм, фантастическое, мизандрия, сверхзнание, мужское - женское.

**FANTASTIC ELEMENTS OF THE FEMINISTIC CODE
IN STRUGATSKY BROTHERS' STORY
«THE SNAIL ON THE SLOPE»
AND V. PELEVIN'S NOVEL «SECRET VIEWS OF MOUNT FUJI»**

Zalomkina G.V.
Samara University,

Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Associate Professor

The article provides a comparative study of how and why the ideology and rhetoric of feminism are transformed in the coordinates of fantastic fiction in two literary texts. Both Strugatsky brothers and Pelevin show women united in a powerful organization, they perceive men as weaker rivals. In both cases, the “Amazons” have and declare marked corporality, they are opposed to the main character – the bearer of a traditional male consciousness who is aimed at reaching super-knowledge. A parodic-satirical approach to the feminist code is traced, while the fantastic component makes the satire allegorical, brings it to the philosophical level. Strugatskys write a warning about a possible adverse future, Pelevin creates an allegory of the eternal confrontation between male and female principles. The article deals with the contrast between men’s commitment to “dead” technologies and women’s “living” ability to control the world through biological/magical practices.

Key words: Strugatsky, Pelevin, feminism, fantastic, misandry, super-knowledge, male-female.

Идеи феминизма в настоящее время занимают все более значительное место в общественном сознании, реакции на этот процесс разнообразны и неоднозначны. Цель моей статьи – понять, как эти идеи трансформируются в фантастической литературе, на материале двух показательных русских текстов, принадлежащих к разным литературным эпохам, но демонстрирующих примечательные общности в исследуемом вопросе.

Безусловно, феминизм – очень широкое и неоднородное направление социально-философских идей и практик, со множеством ветвлений, подчас противоречащих друг другу [10; 3]. В произведениях Стругацких и Пелевина, как представляется, работает схематизированное представление об этом многогранном феномене. Это некий набор наиболее распространенных общепринятых представлений об идеях феминизма, спрямленных, упрощенных, часто мифологизированных. Этот набор – я его обозначаю как «феминистский код» – представляет феминизм как идеологию, которая доводит изначальную идею равенства полов до мысли о самодостаточности и превосходстве женщин. Важно отметить, что этот код появился, в том числе, благодаря вполне декларативным, безоттеночным, митинговым постулатам, характерным для ряда собственно феминистских текстов.

Виктор Пелевин подобен киту, процеживающему через себя тонны океанской воды для получения питательного планктона. Писатель всасывает гигабайты сведений из всех доступных источников, усваивает самые для него примечательные и наращивает тело текстов в ритме хорошо отлаженного морского организма. Животрепещущая феминистская повестка в ее боевых формах не могла не оказаться в русле входящих в Пелевина информационных потоков. Несмотря на то, что эта повестка весьма ярко присутствует в творчестве писателя, до сих пор нет работ, которые бы попытались разобраться в специфике ее разработки.

Еще один малоизученный аспект работы Пелевина с разнообразными дискурсами – это его диалог с советской фантастикой. Явные или скрытые отсылки к ней присутствуют в большинстве его текстов.

В романе «Тайные виды на гору Фудзи» отсылка к повести Стругацких «Улитка на склоне» нарочито эксплицирована: «Маленькая улитка! Медленно-медленно взбирайся по Фудзияме! <...> Стих этот многократно переводился и цитировался – его упоминает Сэлинджер в повести “Фрэнни и Зуи”, а братья Стругацкие даже взяли из него название своей повести “Улитка на склоне”» [5, с. 16]. Отмечу, что в творческом наследии Стругацких существует еще один вариант сюжета, развернутого в «Улитке», – это более ранняя повесть «Беспокойство». Большая ее часть «с минимальными поправками вошла в “канонический” текст “Улитки на склоне”» [1, с. 61], поэтому в данном исследовании я буду использовать наблюдения, касающиеся и этой повести тоже.

Менее очевидная, но более глубокая перекличка Пелевина и Стругацких обнаруживается в разработке темы некоей организации женщин, декларирующих взгляды, очень близкие феминистским. У Стругацких это обитательницы загадочного Леса, управляющие его жизнедеятельностью. Они освоили партеногенез, что становится ясно из иронично презрительного отношения «Славных подруг», как они себя называют, (в том числе и беременной) к естественному способу зачатия как взаимодействию с мужчиной:

«...И что же? Он здорово пыхтел? Или он просто ерзал и обливался потом?

– Неправда, – сказала девушка. – Он был прекрасен, верно? Он был свеж, как заря, и благоухал...

– Как лилия, – подхватила беременная женщина. – От его запаха голова шла кругом, от его лап бежали мурашки... А ты успела сказать “ах”?» [7, с. 431].

Мужчины мизандрически воспринимаются как никчемные животные, достойные только насмешки или отвращения:

«– Этот козлик, – сказала та. – Он чего-то хочет.

Мать Навы посмотрела на Кандида.

– Что он может хотеть? – сказала она. – Есть, наверное, хочет. Они ведь всегда хотят есть и едят ужасно много, совершенно непонятно, зачем им столько еды, они ведь ничего не делают.

– Козлик, – сказала беременная женщина. – Бедный козлик хочет травки. Бе-е-е!

<...> Он никому не нужен, он лишний, они все лишние, они ошибка...» [7, с. 435, 440].

В романе Пелевина последовательницами амазонок выступают приверженки культа Священной игуаны, которые с помощью магических техник управляют поведением мужчин, через них влияя на реальность, поскольку она все еще «патриархальная». Перед обрядом инициации главной героини одна из «игуан» высказывается сходным образом:

«– Запомни, уродливы только хуемрази. Все они – просто однорогие козлы, воображающие себя единорогами. Любое женское тело красиво» [5, с. 360].

В обоих случаях могущественные мужененавистницы оказываются истинными хозяйками мира, но их власть раскрывается в сюжете не сразу. И в повести, и в романе первоначально появляющийся центральный персонаж – мужчина. У Пелевина это олигарх Федор Семенович, у Стругацких – ученые: Перец в реальности Управления и Кандид в реальности Леса, попавший туда из Управления же из-за катастрофы с вертолетом. Мир у Стругацких и Пелевина разделяется на две части: явную – мужскую, иллюзорно главную, и тайную – женскую, главенствующую по-настоящему. Видимая важность мужского мира разворачивается композиционно: в первой главе «Улитки» подавляющее большинство персонажей – мужчины, поскольку действие происходит в «Управлении по делам Леса», напоминающем советские научно-административные организации 60-х годов. Далее главы, разворачивающие мир Управления и мир Леса, где постепенно герой обнаруживает правду о Славных подругах, у Стругацких чередуются. Место действия в зачине «Фудзи» – яхта олигарха, способного купить все, даже счастье, действующие лица – три богача и представитель новой сферы очень дорогих услуг, это счастье продающий. У Пелевина чередуются повествования о Федоре Семеновиче и его однокласснице Тане, превращающейся из красавицы, которую охотно и дорого покупают богатые мужчины, в немолодую оплывшую одинокую тетку, а затем – в способную получить все, что пожелает, фемину. Чередование реальностей отражает противостояние «мужского» и «женского» миров, колебание побед и поражений и постепенно раскрывает истинное соотношение сил. Федор Семенович начинает с причудливой попытки обрести счастье, отомстив Тане, оскорбившей его в школьные годы, а заканчивает полной благодарной подчиненностью ей же. И даже часть посвященного ему повествования оказывается написанной им по тайному внушению главной героини.

Могущество женщин у Стругацких выражается в способности управлять природой: они меняют ландшафт, заставляют двигаться деревья, повелевают насекомыми и животными, создают искусственных антропоморфных существ-слуг, проводят эксперименты по массовой стерилизации мужчин. Этому способствует «пиловый туман – неизвестная энергия Леса, которую женщины-хозяева Пандоры научились использовать в своих целях» [1, с. 64]. У Пелевина использование «энергетических практик мезоамериканского феминизма» [5, с. 4] для управления поведением людей и реальностью в целом прямо проговаривается наставницами Тани: «Аманда Дворкин <...> главную цель своей жизни она видела в создании особой энергетической практики для женщин. <...> Чтобы наделить женщин силой, да» [5, с. 254–255].

Конфликт мужского и женского и у Стругацких, и у Пелевина разрабатывается как противопоставление «мертвого», механистического, технистического и «живого», интуитивного, идущего от природы знания. Одна из хозяек Леса говорит Кандиду, что он и его коллеги «все время набивают себе головы бесполезными знаниями» [6, с. 267]:

«– Что же ты умеешь? Что ты делал на Белых Скалах, пока не упал в лес? Просто жрал и поганил женщин?

– Я изучал лес, — сказал Кандид. <...> Я изучал самые маленькие существа в лесу. Те, которые не видны глазом.

– Ты опять лжешь, — терпеливо сказала женщина. – Невозможно изучать то, что не видно глазом.

– Возможно, — сказал Кандид. – Нужны только... Микроскоп... Линзы... Приборы... Если взять каплю воды, — сказал он, — то, имея нужные вещи, можно увидеть в ней тысячи тысяч мелких животных.

– Для этого не нужно никаких вещей, — сказала женщина. – Я вижу, вы там впали в распутство с вашими мертвыми вещами на ваших Белых Скалах. Вы вырождаетесь. Я уже давно заметила, что вы потеряли умение видеть то, что видит в лесу любой человек, даже грязный мужчина...» [7, с. 442–443].

В романе Пелевина Федор Семенович и Таня, только однажды встретившись во взрослой реальности, вступают в контакт на трансцендентном плане, в некоей духовно-мистической запредельности. Федор попадает туда через буддистские джаны, но они оказываются доступны ему не благодаря личному духовному пути, но посредством «мирских» технологий – «эмопантографа», позволяющего считывать и передавать реципиенту ощущения монахов, домедитировавших до высших состояний. Путь Тани более самостоятелен, продуман, от нее требуются личностные усилия и сосредоточенность, ее проникновение в запредельное гораздо более достойно с точки зрения любого древнего учения о сверх-реальном. Но парадоксальным образом смысл такого проникновения у нее более приземлен, цели, которых она стремится достигнуть с помощью того, что эзотерики называют тонким планом, вполне обывательские – завлечь олигарха в свои сети и устроить таким образом свою судьбу. Федор же, познав джану – «крайне труднодостижимое состояние, и в текстах она иногда называется “сверхчеловеческим феноменом”», получает представление о высшем трансцендентальном счастье, поскольку в этом состоянии «ум всецело настроен на единственный объект медитации, а также обладает огромной мощью, чистотой, остротой и ясностью распознавания» [2], и оказывается на пути к ниббанае – полному просветлению. Он, в конце концов, сворачивает с этого пути, испугавшись приближения даже к предварительной стадии «не-возвращения», на которой рассеивается иллюзия личности. Однако высшие переживания, которые он, хоть и обманым путем, получает возможность испытать, делают из него пусть и пародийного, но вполне пелевинского персонажа – искателя запредельного знания, преодолевающего трансцендентальную преграду. Танина магия, нацеленная на брачное пленение Федора, уводит его с пути просветления.

В «Улитке на склоне» и Кандид, застрявший в Лесу, и Перец, застрявший в Управлении, стремятся к постижению загадочной, неуловимой сущности Леса, хозяйки которого озабочены более прозаическими делами создания жизни в разнообразных ее формах, вплоть до вынашивания детей. Женщины и у Пелевина, и у Стругацких маркированно телесны. Пелевин доводит телесность до предела, вкладывая в уста одной из наставниц Тани формулировку оснований реальности: «Несколько тысяч лет назад мезоамериканские женщины, жившие в условиях матриархата и свободы, отчетливо установили, что весь мир появляется из женской вагины. <...> Они верили, что женская вагина создает не только пространство, но и время» [5, с. 263]. Соответственно, силой, которой подвластно все, становится энергетический «шнур», исходящий из матки каждой женщины и заканчивающийся «пиздокрюком» – собственно инструментом изменения реальности. Овладение этими феноменами делает женщину всемогущей.

В обоих произведениях «амазонки» активно используют феминистскую риторику и очевидна пародийно-сатирическая направленность работы с феминистским кодом. При этом фантастическая составляющая делает сатиру аллегорической, выводит ее на философский уровень. Братья Стругацкие писали предупреждение не просто о возможном не очень благоприятном будущем, но о ведущих к нему общих практиках предпочтения

«прогрессивного» «отсталому», когда во главу угла ставится «планомерное, прекрасно организованное, четко продуманное наступление нового на старое», «своевременно созревшего, налившегося силой нового на загнившее бесперспективное старое» [7, с. 488]. По какой-то причине главными управительницами прогресса у Стругацких стали именно «эти жуткие бабы-амазонки, жрицы партеногенеза, жестокие и самодовольные повелительницы вирусов, повелительницы леса, разбухшие от парной воды...» [7, с. 488]. Вероятно, определенную роль сыграл советский опыт: декларированная эмансипация принимала формы вынужденного доминирования женщин в некоторых сферах в условиях нехватки мужчин после Второй мировой войны. Кроме того, как представляется, писатели отреагировали на вызревавшую в период написания повести (1965–1968 гг.) в Западной Европе и США вторую волну феминизма, более радикальную и многочисленную, чем первая [11]. Момент создания «Фудзи» ознаменовался рядом побед боевого феминизма и подъемом уже четвертой волны [9], одним из ярких проявлений которой стало движение #MeToo. Оно ядовито пересмеяно в рассказе Федора Семеновича: эту надпись носят на майках филиппинские служанки олигархов, которые занимаются уборкой («Мол, мету – работа такая» [5, с. 338]) и готовы в любой момент оказать сексуальные услуги. Пелевин рисует ситуацию упомянутого выше колебания побед и поражений: феминизм весьма боевит, заметен и влиятелен, но миром по-прежнему правят богатые мужчины, которыми, в свою очередь, вертят феминистки, но уже не с помощью хэштегов и судебных преследований, но посредством темных магических ритуалов. Предсказанное в «Улитке» будущее наступает.

Важно отметить доминирующий «ненаучный» компонент фантастики и у Стругацких, и у Пелевина. В романе Пелевина по-настоящему научно-фантастическим является только упомянутый эмопантограф, которому даны подробные естественнонаучные и инженерные характеристики. Превалирует ироничный магический реализм, ставящий мифологически базовые вопросы соотношения начал в мироздании.

В «Улитке» «создавшие свою, очень сложную биологическую цивилизацию» [8] женщины, использующие в том числе «мертвяков-биороботов» [1, с. 63], взаимодействуют с природой по иным, по сравнению с привычными земными научными, принципам. В повести «Беспокойство» – первом варианте повествования о Лесе – научно-фантастический элемент был более ощутим. Действие происходит на другой, неизведанной планете, которую пытаются изучать земляне. Ряд обстоятельств, понятных исходя из этого, в «Улитке» остается без объяснений, поскольку оттуда убраны все упоминания инопланетности происходящего, все признаки космической фантастики. Это создает онейрический эффект в духе Кафки и уводит повесть из русла «твердой» научной фантастики.

Научность космической фантастики в форме травестированной космооперы использует Пелевин для разворачивания извечного противостояния мужского и женского в романе «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами». Здесь одним их элементов сюжета становится вселенский, затрагивающий все слои времени и пространства, конфликт двух рас – зеленых рептилоидных «красоток А» и антропоморфных «бородачей». Первые сотрудничают с США, вторые – с Россией, поскольку «почти у каждой крупной земной культуры есть свой куратор из старых цивилизаций» [4, с. 147]. «Разгул феминизма» на Западе один из персонажей – «чекистов» объясняет так: «Из-за этих зеленых стерв. Потому что все они самки, чтобы не сказать сучки. Они своих мужиков еще сорок тысяч лет назад убили. <...> С тех пор размножаются в пробирках. Первый в космосе случай геноцида по половому признаку» [4, с. 204]. Риторика «женской» расы показательна: «Целью Красоток А является построение мирного и безопасного космоса для всех рас, кроме изгнанных из времени и пространства омерзительных спермозавров» [4, с. 206] – так Красотки А называют бородачей, у которых «физическое устройство близко к мужскому» [4, с. 214]. В «Лампе» также обозначается постоянное колебание перевеса сил, переменность успеха в

противостоянии: «...Причина, по которой эти зеленые стервы так спешат избавиться от расы бородачей, заключается в том, что в истории никогда не бывает однозначных побед и окончательных поражений – до тех пор, пока в вашем противнике сохраняется хотя бы тень жизни...» [4, с. 230].

Таким образом, мы пришли к пониманию механизмов и целей фантастической разработки феминистского кода в повести братьев Стругацких «Улитка на склоне» и романе В. Пелевина «Тайные виды на гору Фудзи». И у Стругацких, и у Пелевина властные женщины, принадлежащие к влиятельному сообществу, воспринимают мужчин как малопривлекательный объект воздействия. Подчеркнутая телесность «подруг» противопоставлена трансцендентному поиску главного героя. Риторика и идеология феминизма разрабатываются пародийно-сатирически. Фантастическая составляющая придает сатире аллегоризм и философские смыслы. Стругацкие развертывают предупреждение о ведущих к пугающему будущему практиках предпочтения «прогрессивного» «отсталому». Пелевин выстраивает мифоподобную аллегорию изначального противостояния мужского и женского начал.

Список литературы

1. Антонов А.В., Чередникова М.П. Функция хронотопа в повести «Беспокойство» братьев Стругацких // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 1 (138). С. 61-66. С. 61.
2. Джхана // Тхеравада.ру. Буддизм и учение старцев [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theravada.ru/Teaching/Glossary/jhana.htm> (дата обращения 3.08.2020).
3. Королёва Т.А. Женское движение: генезис и эволюция // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 44-50.
4. Пелевин В. Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами. М.: Эксмо, 2016.
5. Пелевин В. Тайные виды на гору Фудзи. М.: Эксмо, 2018.
6. Стругацкий А., Стругацкий Б. Беспокойство // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 4: 1964–1966 гг. Донецк: «Сталкер»; СПб.: «Terra Fantastica» Издательского Дома «Corvus», 2001. С. 183-286.
7. Стругацкий А., Стругацкий Б. Улитка на склоне. // Стругацкий А., Стругацкий Б. Собрание сочинений: В 11 т. Т. 4: 1964–1966 гг. Донецк: «Сталкер»; СПб.: «Terra Fantastica» Издательского Дома «Corvus», 2001. С. 287-494.
8. Стругацкий Б.Н. Комментарии к пройденному [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-04.htm> (дата обращения: 14.08.2020).
9. Cochrane K. All the Rebel Women: The Rise of the Fourth Wave of Feminism. London: Guardian Books, 2013.
10. Dietz M.G. Current Controversies in Feminist Theory // Annual Review of Political Science. 2003. Vol. 6. P. 399-431.
11. Gerhard, Jane F. Desiring revolution: second-wave feminism and the rewriting of American sexual thought, 1920 to 1982. New York: Columbia University Press. 2001.